

- [Лев Николаевич Гумилев](#)
 - [БИТВА ПРИ ГЕРАТЕ](#)
 - [Подвиг Бахрама Чубины](#)
- [notes](#)
 - [Комментарии](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [Примечания](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Лев Николаевич Гумилев

Подвиг Бахрама Чубины

*Подбор и перевод источников, вступительная
статья и комментарий Л. Н. Гумилева.*

БИТВА ПРИ ГЕРАТЕ

История знает много примеров того, как за один кровавый день решалась судьба народа. Достаточно вспомнить битву при Херес де ла-Фронтьера, отдавшую вестготскую Испанию во власть арабов, и битву при Пуатье, когда их натиск был остановлен и спасена Франция; битву при Гастингсе, бросившую Англию под ноги нормандских баронов, или битву при Могаче, положившую конец существованию венгерского королевства.

Средняя Азия имеет не менее памятные даты: Таласская битва 751 года, решившая спор между дальневосточной, китайской и ближневосточной, мусульманской культурами; битва при Донданекане 1041 года, открывшая путь сельджукам на Ближний Восток, или Катванская битва 1141 года, остановившая успешное движение ислама на много лет и отдавшая Мавераннахр в руки кара-китаев.

Для VI века такой датой была битва при Герате осенью 589 года [\[прим. 1\]](#).

Мусульманские и христианские источники глухо говорят о большом сражении, в котором Бахрам Чубина одержал верх над царем «китайских тюрок» Савэ.

Вивьен де Сен-Мартен [\[прим. 2\]](#), а за ним Шаванн [\[прим. 3\]](#) и Маркварт [\[прим. 4\]](#) считали это событие пограничной стычкой между персами и кушанскими князьками. Шаг вперед в изучении этого вопроса сделал С. П. Толстов [\[прим. 5\]](#), показавший, что врагами персов были действительно тюрки. Продолжая его исследование, мне удалось установить, что Савэ – это удельный князь Великого каганата, известный китайским хронистам под именем Янсу-тегина [\[прим. 6\]](#). Но этим вопрос не исчерпан. Все указанные авторы основывались либо на данных византийских источников, либо на арабской версии Табари [\[прим. 7\]](#).

Древняя персидская версия, отраженная у Мирхонда весьма кратко, и более подробно у ранних авторов, до сих пор не подвергалась критическому разбору и сравнению. А между тем она сохранила и донесла до нас целый ряд чрезвычайно ценных и интересных подробностей, опущенных греками, армянами и арабами; именно у

персидских авторов герои событий кажутся не бесплотными телами, а живыми, страстными и сильными людьми, в которых чувство долга переплетается с безудержным авантюризмом, а храбрость и благородство – с кровожадностью и жестокостью. Уже по этому одному персидская традиция заслуживает внимания, но, помимо того, подробности, приводимые в персидском источнике, дают нам возможность более глубоко проверить сообщаемые факты, благодаря чему удалось уничтожить еще одно темное пятно в истории Востока и восстановить ход событий, их причины и последствия. Балями, персидский переводчик Табари, мотивирует свое отступление от подлинника тем, что «Мохаммед бен-Джарир не дал историю Бахрама Чубины целиком. Я же нашел ее более полной в книге по истории Персии. Я излагаю согласно этой книге»^[прим. 8]. По-видимому, здесь имеется в виду «Хвадай-Намак» Данишвара, сочинение, составленное в 632-651 гг.^[прим. 9] и до нас не дошедшее.

Осведомленность Данишвара не вызывает сомнений и поэтому сначала следует по возможности восстановить его версию. Она, как выяснено нами, наиболее полно воспроизведена в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси^[прим. 10].

Подходя к изучению поставленной проблемы, надо помнить, что «Шахнаме» не поэма в нашем смысле, а история в понимании того времени, причем написанная великолепным муттакарибом (амфибрахием). Отсюда подробные описания расположений войск, перечисления лиц и деталей, не имеющие конструктивного значения для развития темы, длинноты при передаче речи героев и многое другое. Все эти особенности имели значение для Фирдоуси-историка, а Фирдоуси-поэт проявил свой небывалый талант в предельно лаконичных этюдах природы, в сравнениях и мужественном пафосе при описании кульминационных точек событий.

Это и определило отбор текстов для перевода. Длинноты и повторения сознательно опущены, а там, где изложение событий необходимо, но стихотворная передача не оправдана, в повествование инкрустирован текст Мирхонда, что восполняет смысловой пробел и придает изложению стереоскопичность, облегчающую восприятие. Зато разделы, написанные Фирдоуси на высоком поэтическом напряжении, переданы почти дословно. Переводчик пытался дать адекватный перевод источника и тем самым передать его литературные

достоинства, пропадающие при буквальном следовании за оригиналом. Поэтому он сохранил персидское произношение этнонима «тюрк», полагая, что разница между центральноазиатскими «турками» VI века и турками-османами XIV-XX веков очевидна и не может вызвать недоразумений^[прим. 11]. Переводчик старался уловить и сохранить сочетание лирических и патетических интонаций с подчас суховатыми и деловыми описаниями; величественных, иногда забытых слов с бытовыми выражениями, как, например, «победность» (пирузи) и «скорежился» (бипичид). Вслед за подлинником он то ослаблял, то усиливал интонационное напряжение, стремясь к тому, чтобы в повествовании о великом событии читатель услышал голос великого персидского поэта.

В конце VI века международные противоречия достигли высшей точки напряжения. Виной тому были события, произошедшие на обоих концах Евразийского континента.

В середине VI века китайцы сбросили гнет иноземной династии Тоба-Вэй и в Северном Китае образовались два соперничающих царства: Бэй-Чжоу и Бэй-Ци. Тогда же тюрки объединили под властью своих хаганов Великую степь от Желтого моря до Черного и в их руки попал весь караванный путь и богатые согдийские города – опорные пункты караванной торговли – до границ Персии.

Одновременно Византия, только что завоевавшая гегемонию в Средиземноморье, получила жестокие удары от лангобардов в Италии и авар на Дунае. Чтобы отстоять свои границы, ей было необходимо вести долгую и беспощадную войну, а для этого нужны были деньги. Однако в VI веке золота в обороте было очень мало, следовательно, византийские императоры в качестве валюты должны были изыскивать ценности другого рода. Больше всех других товаров в варварской Европе ценились шелковые ткани, и шелк стал валютой, имевшей хождение наравне с золотом.

Византийская армия VI века в большей части состояла из наемников. Гунны, гепиды, герулы, вандалы, готы, славяне, армяне, арабы и кабилы охотно служили императору, но на плату воинам и подкупы варварских князей требовались огромные средства, и эти средства Византия обрела в производстве шелковых тканей, которые были лучшим подарком для германского или славянского князя. Однако шелк-сырец шел только из Китая. Казалось бы, для чего

китайцам трудиться ради процветания константинопольского двора, но тут решающей силой оказались тюрки. Великий хан брал с Бэй-Чжоу плату за союз, а с Бэй-Ци за заключение сепаратного мира и, смеясь, говорил: «Только бы на юге два мальчика были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности»^[прим. 12].

Тюрки выкачивали из Китая столько шелка, что не могли потребить его сами. Тут на помощь к ним пришли их новые подданные – согдийские купцы, готовые весь излишек пряжи переправить в Византию, которая покупала его по установленной цене и вознаграждала себя на западных рынках. Но караванный путь шел через Иран, а шаханшах и император всегда были врагами. Персы с радостью прикрыли бы торговлю шелком вообще, но доходы от пошлин позволяли им содержать двор и войско. Поэтому они пропускали к своим врагам минимальное количество шелка по ценам, которые они сами назначали^[прим. 13]. В интересах Ирана было не увеличение оборота, а повышение цен, чтобы извлечь из рук своих врагов как можно больше золота и уменьшить возможности греков нанимать в Европе воинов для борьбы с Ираном. Эта система была также по интересам тюркских ханов и их друзей, согдийских купцов, ибо они не могли вывезти и продать свой товар. Попытки их договориться с персидским царем были неудачны; окольный путь через бесплодные степи к северу от Каспийского моря оказался труден и небезопасен, так как воинственные угры, отступавшие перед тяжелой конницей тюрков, могли легко подстеречь и разграбить любой купеческий караван.

В 569 году греки и тюрки сумели обменяться посольствами и установить, что их интересы совпадают. Так родился тюрко-византийский военный союз, направленный против Ирана.

С 579 года в Иране правил шах Хормизд, по матери родственник тюркского хана. Столпом его власти были двенадцать полков конных стрелков, обучавшихся своему искусству с детства. Это были профессиональные воины, получившие от шаха плату за службу^[прим. 14]. Опираясь на них, Хормизд попытался уменьшить силу и влияние вечно фрондировавшей аристократии, но казни сделали его власть непопулярной в стране и тогда-то греки и тюрки нанесли решающий удар, который должен был покончить с Ираном и раскрыть ворота с востока на запад.

Осенью 589 года положение Ирана было отчаянным, ибо, как говорит арабский историк Табари, «Враги окружили Персию, как тетива – концы лука». Лишь мужество персидских конных стрелков и их полководца Бахрама Чубины отвело от страны смертельную угрозу^[прим. 15]. Бахрам лично застрелил предводителя тюрок, называемого в персидской литературе Шаба, или Савэ-шах.

Рассказ о войне, происходившей на западной границе Ирана, содержится в грузинских летописях: «Тогда император велел передать царю Грузии Гуараму значительные суммы денег, чтобы этот последний привлек войска северных народов и направил их на Персию. Гуарам так и сделал. Созвав осов, дзурдзуков и дидойцев, он дал им в начальники грузинских эриставов, и эти народы вошли в Азербайджан, который они принялись опустошать. Таково было печальное положение персов, отвлеченных другими заботами, когда появился в их стране человек по имени Бахрам Чубина, который дал битву тюнкам, вторгшимся в Персию, о чем подробно рассказано в персидской истории. Он убил царя тюрок и обратил его армию в бегство; а что касается греческих войск, проникших на персидскую территорию, то они отступили и вернулись в Грецию^[прим. 16]. Современники события единодушно расценивали победу при Герате как спасение Ирана от полного разгрома. Советник шаха Хормизда, Йезанбахш, говорил: «Если бы Савэ-шах прошел до Рума, то от Ирана остался бы комочек воска». Могущественные Саманиды возводили свою генеалогию к Бахраму Чубине, а народные массы Восточного Ирана в тяжелый период арабского владычества создали легенду, что Бахрам Чубина воскреснет, вернется на землю и, изгнав арабов, победит ислам^[прим. 17]. Стихи об отражении тюркского нашествия сохранились во многих списках, украшенных миниатюрами, изображающими различные подвиги персидского полководца.

В Государственном Эрмитаже хранятся изображения самого Бахрама, шаха Хормизда, тюркских и персидских воинов VI века. Кроме того, известно много тюркских наскальных изображений, статуй и других предметов искусства, характеризующих эту жестокую, но волнующую сердце эпоху. В нашей работе читатель найдет образы далекого прошлого, запечатленные в металле, глине и чеканных строках величайшего персидского поэта Фирдоуси. Они приоткроют перед ним завесу ревнивого времени, познакомят его с тенями

минувшего и, может быть, хоть на миг воскресят живую страницу великого прошлого народов Азии.

Хормизд ибн Нуширван

Хосрой ибн Нуширван

Бахрам Чубина

Подвиг Бахрама Чубины

...Царствование Хормизда ибн Нуширвана^[1] продолжалось 12 лет. Когда он сел на царство, опытных людей унизил и всех писцов великих и священнослужителей и людей, которых отец его возвеличивал, всех до одного убил.

Затем Савэ-шах^[2], турк, с четырьмястами тысяч всадников вошел в Хорасан, и Хормизд оказался в тяжелом положении, ибо из Рума^[3] и Аравии^[4] и от хазар^[5] с четырех сторон напали на его царство и войска уже вошли в Иран. Тогда он послал Бахрама Чубина^[6] против Савэ-шаха, по указанию Михран-ситада^[7], который слышал турецкие предсказания в то время, когда родился Хормизд. Шах нашел Бахрама по признакам, которые указал Михран-ситад, и Бахрам пошел на Савэ-шаха, и это длинная история...

Муджмаль ат-Таварих валь-Кысас (анонимное сочинение 1126 г.)

Выступление Савэ-шаха против Хормизда

Лишь десять Хормиздовых лет пронеслись
Повсюду враги на Иран поднялись.
С востока Савэ ополчился на бой,
Несметную силу ведя за собой:
Четыреста тысяч отважных бойцов
И тысячу двести военных слонов.
Как будто основу пронзают утки
От степи Гератской до Мертвой реки.
Под войском от войска не видно земли,
И войска не видно в поднятой пыли.
Он шаху Хормизду послание шлет:
«Сгоняя на работ подвластный народ.

Мосты и дороги повсюду чинить,
Еду припаси, чтобы войско кормить,
Да помни про сабли моей острие.
Хочу я пройти через царство твое!»
Речь турка у шаха застряла в ушах,
От страха всем телом скорезился шах.
А с западной кесарь пришел сторон.
Сто тысяч привел из румийской страны.
Воинственных всадников знатных родов.
Война поднялась из-за тех городов,
Что некогда славный Хосрой захватил,
А ныне их кесарь мечом возвратил.
Враги по хазарской дороге пришли.
Страна потемнела в поднятой пыли.
И вождь их пустил от армянских высот
Отрядами до Ардебильских ворот.
И войско пришло из арабской земли.
Вновь Амр и Аббас^[8] это войско вели.
Бесплодной пустынею стала страна,
Откуда тучнела Хормизда казна.
Куста не оставило войско врагов
До самых евфратских крутых берегов.
С границ поскакали гонец за гонцом
К Хормизду. Внезапной бедой удручен,
В убийстве мобедов^[9] раскаялся он.
В изгнании мудрые умерли зря,
Советчика не было подле царя.
Решился взволнованный царь наконец:
Велел он вельможам прийти во дворец.
И всем благородным поведал про то,
Что с древности самой не помнит никто,
Чтоб столько враждебных и мстительных стран
Войной одновременно шло на Иран.
Вельможи толпой поклонились ему,
Но все их советы свелись к одному:
О шах! Ты приятен и мудр, но хоть раз,
Для этого дела послушайся нас.

Ведь все мы, кого ты созвал на совет,
Не скажем того, что один лишь мобед.
Но ты зороастрову веру^[10] забыл,
Писцов^[11] и мобедов ты сам истребил.
Подумай, где можно мобеда найти
Чтоб нашу страну неустанно блюсти.
При шахском дворе отыскался мобед,
Он вышел и молвил Хормизду в ответ:
«О шах, не страшна нам хазарская рать,
Коль мы не помешкав пойдем воевать.
С румийцами вновь договор заключим.
Арабов немедленно в прах истребим.
Но грозный Савэ приближается к нам,
Чернейшее дело скрывается там.
Лишь турки с востока нахлынут волной
Губительна трата минуты одной.
Войска собери, ибо славный Хосрой
Велик был лишь силой своей войсковою».
Военные списки доставили вмиг,
Счет войска по спискам ста тысяч достиг
Пехоты и конницы. Молвил мобед:
«С такими войсками страшиться не след.
Но следует кривду из сердца изгнать,
Царям подобает народ охранять».
И к кесарю шах направляет гонца,
Ученого мужа, бойца и писца.
И кесарю молвит: «В румийской стране
Ты царь, а чужого не надобно мне.
Те земли, что взял у тебя Нуширван,
Возьми и не трогай Великий Иран».
И тотчас же кесарь, спокоен и рад,
Страны не обидев, вернулся назад.
От поднятой пыли померкла заря,
Войска собрались по приказу царя.
Хормизд их в армянские горы послал,
Хуррад фарроносный^[12] начальником стал.
Дороги хазар преградили они,

И многих убили из вражьих полков,
И много набили добычей вьюков.
И понял Хормизд, пролетела беда,
Теперь на востоке лишь зрела вражда.

Фирдоуси

Когда дух Хормизда от этих врагов освободился, он устроил совет с людьми разума и опытности об отражении Савэ-шаха. Тогда один из присутствующих на собрании доложил: «О государь! Отец мой такого человека знает, который по причине преклонного возраста, ныне, от службы отставленный, сидит дома». Хормизд сказал: «Да, я отца твоего хорошо знаю. Он во время Хосроя мою мать из Туркестана доставил в Иран. Теперь что ты о его словах скажешь?» Тот человек продолжал: «Когда вчера отец от меня услышал, что государю потребовался человек, чтобы послать его на войну с Савэ-шахом, то сказал: «Мне в этом случае следует рассказать и я обязан донести до слуха царя». Когда Хормизд услышал это, то приказал себя об этой тайне осведомить.

Старец сказал: «В то время, когда меня послал справедливый государь, шах Нуширван, в Туркестан сватать дочь хакана, хакан меня пожаловал всяческими подарками и ласками, и, осведомившись о цели посольства, приказал, чтобы дочерей его мне предъявили, дабы я, одну из них выбрав, доставил в Мадаин^[13] Однако, так как ханша-мать, которая была прабабушкой государю земли и времени и родственницей хакана, не хотела, чтобы ее дочь с ней разлучалась, она приказала, чтобы царевен и невольниц, разукрасив, мне показали, а дочь хакана без украшений была среди них. Но я, бросив взгляд на ту чистую жемчужину, похожую на высочайшего хакана, выбрал ее, причем хакан выказал расстройство. Хакан, послав к астрологу, приказал, чтобы тот посмотрел гороскоп этой великолепной звезды и об исходе жизни девушки в Персии сообщил. После осмотнительного изучения астролог доложил: «Из небесного расположения явствует, что эта достойная женщина от персидского царя родит сына, низкого роста с большими глазами и великим умом и к нему перейдет после отца его царство; некто из этой страны (Туркестана) ополчится для завоевания

его страны, но этот счастливчик предводителя, высокого мужа, с большим лбом, с вьющимися волосами, полным лицом, смуглого, со сросшимися бровями, худощавого и зловредного, на войну с ним пошлет, он враждебного царя убьет, войско его погубит и имущество разграбит. Когда хакан узнал небесные тайны, то с царскою роскошью снарядил дочь в дорогу, чтобы я ее в Мадаин доставил».

Произнеся эти слова в совете Хормизда, многолетний старец скончался. Шах и присутствующие весьма этим были удивлены, и все собравшиеся от ступеней высочайшего тропа отправились па розыски; старательно ими занялись и после доложили государю: «Человек с вышеописанными приметами – это Бахрам Чубина». Он был один из спяхбедов царского рода и с эпохи Нуширвана до времени Хормизда имел в своем ведении области Армению и Азербайджан. Он превосходил других персидских марзбанов обилием доблести, таланта и бодрости. После встречи с вельможами царства Хормизда Бахрама назначили на войну с Савэ-шахом. Когда указ о войне с Савэ-шахом для Бахрама Чубины был изготовлен, Хормизд, его из Армении вытребовав, приказал, чтобы войско, столь многочисленное, сколь он хочет, выбрал и на войну с Савэ-шахом отправился. Бахрам двенадцать тысяч знаменитых людей, в возрасте от сорока до пятидесяти лет, выбрал. Хормизд ему сказал: «Как ты со столь малым войском идешь на войну с человеком, у которого есть триста тысяч мужей?» Бахрам ответил: «То войско драгоценнее того, которое у него есть; многие из прежних полководцев считали, что с двенадцатью тысячами человек можно победить врагов несметных и войска неисчислимы».

Бахрам, совершив поход, достиг Хорасана.

Отправка Хуррада Бурзина к Савэ-шаху

Нить мыслей у шаха вилась в голове,
Он помнил о войске и силе Савэ,
Он думал: как будет держаться Бахрам?
И сердце разбила тоска пополам.
А ночью, Хуррада Бурзина позвал,
К зловредному турку скакать приказал.
Сказал он: «К Герату сперва поезжай,

Там войско в долине увидишь ты. Знай,
Что это воитель Бахрам Чубина,
Да будет победа ему суждена!
Его отыщи и ему Расскажи,
Что радостной вестью из лести и лжи
Раскину тенета в глубокой тени,
Но тайну от прочих надежно храни».
В дорогу немедля собрался Хуррад,
Явился к Бахраму под город Герат
И тайное дело поведал ему:
«Раскинуты сети врагу твоему».
И к шаху Савэ он один поскакал,
Туда, где стояли слоны и войска.
Увидел царя, поклонился ему,
Один на один подольстился к нему.
К Герату советовал двинуть полки,
И турки дошли до гератской реки.
Турецкий разъезд, отряженный в дозор,
Заметил войска и Бахрамов шатер,
Он быстро вернулся с докладом к Савэ:
«Там войско и витязь у них во главе».
Савэ, к отступленью не видя пути, Хуррада
Бурзина велел привести;
И резкое слово, гневясь, произнес:
«Коварный, ты видишь утеса откос^[14].
Ты послан Хормиздом меня обольстить,
Раскинуть тенета и в них заманить,
Ты путь мне указывал в руки врагу,
Иранцы стоят на гератском лугу».
Хуррад отвечает, склонившись пред ним:
«Не верь подозрениям черным своим.
Наверно, там просто восточный марзбан^[15],
Быть может купеческий там караван.
А может быть, кто-нибудь, алча наград,
Царю в подкрепленье приводит отряд.
Ну кто же посмел бы восстать пред тобой,
Коль реки и горы выходят на бой.

Разведчика надо направить туда».
И царь, успокоясь, отвечивал – «да».
Хуррад, от царя возвращаясь в шатер,
Увидел, что ночь опускается с гор.
И скрылся от турок в глубокую тьму,
Чтоб смерть не приблизилась нынче к нему.
Царевича сразу направил хаган^[16],
Велев разузнать, для чего пехлеван^[17],
Явился с войсками под город Герат,
И дал ему в свиту отборный отряд.
Царевич, до персов чуть-чуть не дойдя,
Отправил дружинника вызвать вождя.
Дружинник иранцам кричал: «Господа!
Кто вождь ваш? Пусть выйдет немедля сюда,
Затем, что наследник царя моего
Желает без стражи увидеть его».
Посыльного тотчас послали к шатрам;
Палатку немедля покинул Бахрам,
И славное знамя поставить^[18] велел.
Царевич, увидя его, подлетел
На резвом, покрывшемся пеной, коне
И крикнул: «То правда ль, как сказано мне,
Что будто в Иране обижен ты был
И кровью свое оскорбление смыл,
И ныне явился союзником к нам?»
«Господь упаси меня – молвил Бахрам.
«Я шаху Хормизду вернейший слуга,
Пришел я, чтоб выгнать из Парса^[19] врага.
Лишь вести о турках китайских равнин^[20]
С восточной границы дошли до Мадаин,
Хормизд меня вызвал и молвил: «Иди,
Пути их мечом и стрелой прегради».
Царевич обратно, к отцу, поскакал
И все рассказал, что от перса слышал.
Уверился царь в подозренье своем,
Немедля послал за иранским послом.
«Бежал он» – ответили слуги ему,

Он, кровью заплакав, сказал: «Не пойму,
Как путь отыскал себе этот злодей,
Ведь ночь и повсюду без счета людей,
Позор, коль преступно-небрежен дозор,
Мы жизнью заплатим за этот позор».

Сон Бахрама

Ответив нахальному турку спахбед^[21]
Созвал благородных к себе на совет,
И все согласились сражаться да так,
Чтоб сделался день как полуночный мрак.
Заснули иранцы и турки. Покой
В ту ночь утомленному был даровой.
Бахрам удалился в палатку и лег,
Но боль отодвинуть от сердца не мог.
Приснилось ему, что турецкая рать,
Во льва превратилась, чтоб с ним воевать.
Он видел, что войско разбито совсем,
К Багдаду дорога открыта совсем,
От витязей вражьих пощады он ждет,
И пеший, без спутников в поле идет.
Когда же очнулся от страшного сна,
Был мрачно задумчив Бахрам Чубина.
Он встал и оделся и вышел, но сон
Друзьям рассказать не осмелился он.
Веселый и бодрый явился Хуррад
И молвил: «Для битвы настала пора,
Взгляни на врагов и на наши силки^[22]
И души иранцев храни от тоски.
Уж утро блестит, как румийски лицо,
Пора для сражения ставить бойцов.

Бой Савэ и Бахрама

Савэ обратился к своим колдунам;
Колдуйте, сказал, чтоб иранским сердцам
Скорезиться, свиться, да так, чтоб вреда
Они не чинили для нас никогда.
И тут колдуны принялись колдовать,
Огонь они начали в небо бросать.
Все взвихрилось, черная туча пришла
И стрелы в иранцев метать начала.
Но понял и крикнул отважный Бахрам
Соратникам доблестным, верным друзьям:
«Закройте глаза, не смотрите кругом,
Ведите отряды на битву с врагом,
Бесовские стрелы не явь, а обман,
От них не бывает губительных ран.
Ведь турок придется оплакивать нам!»
И крик боевой полетел по полкам.
На поле сражения глянул Савэ,
Не видел успеха в своем колдовстве.
И как на ягненка бросается волк,
Так турки на левый ударили полк.
Разбили, на центр обратились, и тут
Увидел Бахрам, что иранцы бегут.
Трех турков он сам опрокинул с седла,
Промолвив: «Неправильно битва пошла,
Смотрите, как должен сделаться бой,
Стыда у вас нет перед Богом и мной!»
А после он к правому прынул крылу,
Как лев, разъяренный в ответ на стрелу.
Когда же врагов и отсюда отбил,
И знамя турецкое в прах уронил,
Вернулся и другу промолвил: «Беда;
Не сбыться бы этим словам никогда,
Но если все также продолжится бой,
То всем нам бежать иль идти на убой,
Быть может, дорогу для бегства найдем».

Искали, но горы стояли кругом^[23].
Тогда обратился к соратнику он:
«Пред нами огромный железный заслон,
Лишь тот, кто пробьет его пикой стальной,
К иранскому шаху вернется живой.
Нам будет спасение – сабля и нож.
Укройся щитом и в кинжалы... Даешь!
И если удача появится тут,
Нам будет корона наградой за труд.
Ну кто бы из нас белое черным нарек?
Будь доблестью – верность, надеждою – Бог!»
Савэ обратился к своим старшинам:
«Откройте дорогу военным слонам,
И войско в последнюю бросьте борьбу,
Чтоб сделать им черной и тесной судьбу».
Спахбед на главу надевает шелом
И стрелы пускает весенним дождем.
И ринулось войско по следу вождя,
И звезд не видать от такого дождя.
Просверлены хоботы страшных слонов
Трехжальными^[24] стрелами мелких стрелков.
От боли слоны обратились вспять,
Взбесившись, топтали турецкую рать,
Враги побежали, про битву забыв,
От крови долина как нильский разлив,
Турецкое войско смешало ряды.
Закончилось дело победой Беды.
За войском своим на холме небольшом
Савэ на престоле сидел золотом,
Смотрел на доселе отважных солдат,
Подобно лавине бегущих назад.
Все пылью покрыты, душой смятены,
А пьяные кровью и битвой слоны
Давили бегущих и гибнущих зря,
Слезами наполнились очи царя.
Арабскую лошадь ему подвели,
Вскочил он в седло, чтобы скрыться вдали.

Но сзади, как слон опьяненный, Бахрам,
С арканом и луком, летел по пятам.
Иранцам крича: «Горделивые, эй!
Беда их отметила меткой своей!
Окончилось время секретных речей,
Настала пора для старинных мечей!
Колите и стрелы пускайте опять,
То всадников дело, колоть и стрелять!»
На чалом^[25] коне, как на скачущем льве,
Покинувши трон уносился Савэ.
В руках у Бахрама мелькнула стрела
Из тополя древко, а перья орла,
С подобным воде^[26] закаленным концом
И лук, заскрипев, изогнулся кольцом.
Когда же спустил тетиву Чубина,
То в турка до перьев вонзилась она.
Секунды Савэ не остался в седле,
Кровавый поток побежал по земле.
Так умер владыка золотого венца
И рати, не знавшей числа и конца,
Затем лишь, что неба таков поворот^[27],
А в нем состраданья никто не найдет.
Когда же приблизился грозный Бахрам
К кровавому трупу, лежавшему там,
И царскую голову саблей отсек,
Туда не пришел ни один человек,
Лишь после бегущие турки нашли
Безглавое тело в кровавой пыли,
И землю наполнили стоном своим,
А небо взволновано вторило им.
«То Божие дело, – сказал Пармуда^[28], –
Что счастье Бахрама не спало тогда».
В ущелье стремилась толпа беглецов.
Ущелье, от давки, полно мертвецов.
Один из десятка, оставшись живой,
Бежал, не убитый иранской стрелой,
Ни острою саблей, ни длинным копьем,

На жаждущим крови безумным слоном.

Казнь колдуна

К девятому часу кровавого дня,
Живыми остались лишь те, что стена
Стояли, опутаны цепью стальной
С израненным телом и горькой душой.
Кольчуги и шлемы валялись в пыли,
Те шлемы сегодня голов не спасли.
Без всадников кони бродили везде,
И кровь растекалась подобно воде.
Спахбед неустанно бойцов объезжал,
Чтоб видеть, кто жив, кто в сражении пал.
И встретив Хуррада, велел разузнать:
«О ком надлежит нам теперь горевать».
Хуррад, не замедлив, пошел по шатрам,
Увидев, что убыл из войска Бахрам,
Племянник спахбеда, один из вождей,
Искал и расспрашивал всюду людей,
Пытаясь напасть на утерянный след,
И трупы проверил, но знатного нет.
Спахбед с огорченьем про это узнал.
«О храбрый и добрый», – он с грустью сказал.
Вдруг, вечером поздно, является тот
И рыжего турка с собою ведет,
Урода, от злобы бессильной в слезах.
«О, вечно живи и не падай во прах!» –
Промолвил Бахраму великий Бахрам,
А гнусного турка допрашивал сам:
«Ты, адская рожа, теперь отвечай,
Родною без утайки свою называй.
Ведь матери плакать твоей надлежит».
И турок, склоняясь перед ним, говорит:
«Колдун я, а знатность чужда колдуну,

Когда ж предводитель идет на войну,
Я сны колдовством насылаю на тех,
Кто тверд, чтоб спасался стремительней всех.
Твой сон, это дело науки моей,
Да надо бы средство искать посильней.
Под темным влиянием вредной звезды
На ветер пошли колдовские труды,
Но дай мне пощаду, и в новой борьбе
Полезным и верным я буду тебе».
Задумался, просьбу услышав, спахбед
И сделался желтым лица его цвет:
«Быть может, в какой-нибудь новой войне
Искусство его пригодится и мне».
Но после раздумья промолвил: «Савэ,
Нашел ли спасенье в его колдовстве?
Все доброе Бог посылает тому,
Кто, помня о благе, стремится к нему»
Он голову турку велел отрубить
И душу от тела велел отделить.
И казнь совершилась. Он, на ноги встав,
Сказал: «Ты, который воистину прав,
Победность, Величие, Царский Венец,
Печаль и Всесилие наших сердец,
Священная мощь над высот высотой!
Тот счастлив, кто смеет идти за тобой!»
А писарь^[29] великий промолвил: «Спахбед,
Один ты, другого подобного нет.
Не знали таких Феридун, Нуширван.
Ты трон утверждаешь, спасая Иран,
Народ охраняешь от злобной судьбы,
Тебе пехлеваны другие – рабы.
Отважным на поле и мудрым в совет
Приходишь, потомок спахбеда, спахбед.
Прекрасен рождением, прекрасен на вид...
Поистине истинный ты Кеянид»^[30].
И воины те, что вокруг собрались,

Прослушавши слово писца, разошлись.

Фирдоуси

Выстрел Бахрама спас Персию.

Табари

notes

Комментарии

Хормизд ибн Нуширван – персидский шах (579-590 гг.), сын Хосроя Нуширвана и тюркской царевны. Известен своей свирепостью в борьбе с аристократией. Был низвергнут аристократами-заговорщиками и убит.

Савэ-шах – тюркский царевич, настоящее его имя было Янг-Соух, т. е. «Большой мороз». Искажение чтения имени возникло и IX-X веках при переходе на арабскую графику и арабские стихотворные размеры. См. Гумилев Л.Н. Великая распря восьмидесятых годов VI в.

Рум – Римская империя, в данном случае Византия.

Аравия – в VI веке не составляла единого государства; отдельные шейхи, фактически сохраняя самостоятельность, номинально подчинялись то Ирану, то Византии.

Хазары – как народ в VI веке еще не сложились: упоминание их в источнике является анахронизмом. На самом деле это были западные тюрки и союзные с ними кавказские племена.

Бахрам Чубина – полководец из старинного парфянского рода Михран. Имя его пишется то как «Чубин», то как «Чубина». Поскольку Фирдоуси последовательно придерживается второго варианта написания, мы следуем ему в переводе текста «Шахнаме».

Михран-ситад – приближенный Хосроя Нуширвана; в 569 году ездил послом к тюркам и заключил с ними мир, скрепленный браком шаха с дочерью хана. См. примеч. 1.

Амр и Аббас – арабские шейхи, кочевавшие между Ираком и Сирией. Они продавали свои услуги и персидскому шаху, и византийскому императору, не стесняясь изменять обоим.

Мобеды – жрецы зороастрийской религии; поскольку звание мобеда было наследственным и требовало известной грамотности, мобеды сосредоточили в своих руках большую часть гражданского управления.

Зороастрова вера, или маздеизм, – религия, трактующая мир как борьбу доброго и злого начал, богов Ормузда и Аримана. Основана мудрецом Зердуштом, или Зороастром, жившим в Восточном Иране около IX века до н. э.

Писцы, или дабиры (*перс*). Кроме мобедов, в Сасанидском Иране в гражданской службе использовались светские образованные люди из высших сословий.

Фарр – право на власть, согласно теориям древних персов, являющееся прирожденным и окружающее как нимб голову законного властелина.

Мадаин – столица Персии, называемая также Тисбон, в греческой передаче Ктезифон, и Багдад. Последнее название было перенесено на новую столицу арабских халифов, построенную ниже по течению Тигра. Буквально Мадаин (*араб.*) значит «города», так как с Ктезифоном срослась в один город древняя Селевкия, расположенная на другой стороне Тигра.

Утеса откос – фигуральное выражение, означающее опасность.

Марзбан – пограничный военачальник

Хаган – древнее произношение слова «хан».

Пехлеван – богатырь, витязь, храбрец.

Славное знамя поставить велел – это означает, что он повел переговоры совершенно официально как лицо, уполномоченное шахом.

Парс – древнее название Персии, для этой эпохи синоним слова «Иран».

Турки китайских равнин – восточные тюрки, по мнению Фирдоуси, господствовавшие в Китае. Это название для VI века является анахронизмом, но династия Тан, воцарившаяся в Китае в 619 году, действительно была тюркского происхождения и опиралась на тюрок, живших у Великой Китайской стены, что дало мусульманским авторам повод называть восточных тюрок китайскими.

Спахбед – главнокомандующий, воевода.

Наши силки – имеется в виду Гератская долина, оказавшаяся ловушкой, куда Хуррад Бурзин заманил тюрок Савэ-шаха, чтобы вынудить его отказаться от маневрирования и принять решительный бой.

Горы стояли кругом – Гератская долина окружена высокими горами и имеет только два выхода: узкий проход Баророн, вдоль течения Герируда, и перевал в юго-западной части через хребет Аманкух. Тюрки прошли через Баророн и оставили его в тылу, а от перевала персов отрезала быстрая горная река – Герируд. Помимо этого, подъем на высокую гору не мог быть совершен в боевой обстановке, так как противник немедленно смял бы тылы.

Трехжальные стрелы – трехгранные наконечники с заточенными ребрами, употреблявшиеся как пробойные.

Чалый конь – масть, весьма ценившаяся в Срединной Азии, наравне с рыжей, так как эта категория светлых мастей считалась символом солнечного сияния.

Подобный воде наконечник стрелы – стальной и настолько хорошо закаленный, что блеском напоминает поверхность воды.

Поворот неба – представление это очень древнее и сопоставимо с индийской теорией кармы и эллинском учением об «ананке» – роке. Это – безликая закономерность космоса, управляющая человеческими судьбами, но глухая к переживаниям людей.

Пармуда – сын Савэ-шаха; имя его, буквально означающее «Приказной», является переводом тюркского слова «буюрук», имеющего то же значение и, возможно, употреблявшегося в древности как имя собственное или прозвище.

Писарь Великий – дабир-и-бузург – высокая должность в Сасанидском Иране, нечто похожее на «канцлер».

Кеянид – древняя легендарная династия персидских царей; в данном контексте – фигуральное изображение царственного величия.

Примечания

Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва. Известия АН Тадж. ССР. Отделение общественных наук, 1960. Хиггинс датирует эту битву 588 годом [The persian war of the emperor Maurice. Washington, 1939. p. 73, чем искажает ход событий. См. Гумилев Л.Н. Восстание Бахрама Чубина.//Проблемы востоковедения. № 3, 1960.

: Lebeau. Histoire du Bas-Empire, t. X. Paris, 1828, pp. 278-280.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turks) occidentaux. SPb, 1903, pp. 242-243.

Marqwart I. Wehrot und Arang. 1938, p. 145, etc.

Толстов С. П. Тирания Абрая. Исторические записки. № 3, 1938.

Гумилев Л.Н. Великая распря восьмидесятих годов VI в. // Византийский временник. № XX, 1961.

Noldeke T. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden.
Leiden, 1879.

Chronique de Tabari. Traduit par H. Zotenberg, t. II. Paris, 1869, p. 253.

Бертельс Н.Э. Абуль Касим Фирдоуси и его творчество. М. –Л., 1935, с. 35.

Cristensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936, p. 63.
См. также: Tha'alibi. Histoire des rois des Perses, traduite par H.Zotenberg.
Paris, 1900. Firdousi. Le livre des rois. Ed. J.Mohl. Paris. VI, 1868.
Mirkhond. Histoire des Sassanides. Paris, 1843. Муджмалъ ат-Таварих в-
аль Кысас (на перс. яз.). Тегеран, 1942, с. 76.

Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа. //Сб. «Страны и народы Востока». М.-Л., 1961.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л, 1951. Т. 1,с. 233.

Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия и торговля шелком. // Византийский временник, 1947. Т. I, (XXVI), с 187.

Christensen A. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhague, 1936, p. 362.

Биография Бахрама Чубины до 589 года известна очень мало. Он был из знатного парфянского рода Михранов, пошедшего на службу к Сасанидам. Бахрам служил в пограничных войсках и был марзбаном (пограничный начальник) в Армении и Азербайджане. Победа при Герате принесла Бахраму славу первого полководца, но интриги придворных и вызванная этим опала заставили его восстать во главе своих войск против непопулярного режима. Шах Хормизд был свергнут, и его сын Хосрой Парвиз бежал в Византию, а Бахрам объявил себя шахом.

Broset. Histoire de la Georgie. СПб., 1849, 1,р. 220-221. Lebeau. Histoire du Bas-Empire, X. Paris, 1828. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.-Л., 1946.

Czegledy K Bahrain Cobin and Persian apocalyptic literature. *Acta Orientalia*, 1958, t. VIII, f. 1 pp. 21-43.